

ТОРЖЕСТВО ВАМПИР-КУЛЬТУРЫ

Современная культура не только не помогает индивиду противостоять напору либидоизной энергии на его дух, но почти всегда и везде выступает в роли ее провокатора. По убеждению автора, такая ситуация напрямую связана с победным шествием по планете глобализации, имеющей ярко выраженные черты вестернизации, которая превращает в крошево и пыль встающие на ее пути живоносные культурные традиции.

Студент приходит в аудиторию. Для современной гносеологии это уже не просто молодой, биологически полноценный индивид, но субъект познания социальный. А это значит, что он во многом уже сформировавшаяся личность, студенческий статус которой предполагает большой и разнообразный багаж знаний, умений и навыков, а также и наличие определенной изготовки его сознания на овладение выбранной специальностью. Такое понимание социальной природы субъекта познания - несомненное достижение диалектико-материалистической гносеологии. Но оно прихрамывает в том отношении, что исходит из предпосылки, что с биологией у субъекта все нормально, в том смысле, что она всем удовлетворена и спокойно дремлет себе, не вмешиваясь в познавательный процесс, и потому дает этому процессу беспрепятственно развиваться в соответствии с принципами и законами когнитологии.

Однако это слишком сильное допущение. Биология молодого человека - прежде всего большой заряд фрейдовской либидоизной энергии, всегда готовой вырваться на поверхность духа и захватить весь его плацдарм. Сила страшная, и если просыпается не к месту и не ко времени - явно асоциальная (впрочем, асоциальная только в очень конкретной ситуации, требующей от индивида, оказавшегося в ней, ее рационального истолкования и интерпретации. Но как основа семейного союза мужчины и женщины она приобретает качество первостепенной социальности). Платоновский образ норовистого коня, непослушного вознице-разуму - символа живущей в нас вождеющей страсти, Большого Желания - слишком комплиментарен этой темной силе. Бхагаватгита же дает ей абсолютно адекватное определение, без всяких обиняков именуя "супостатом, что пожирает уменье и знание". А о ее месте и полновластии в мире в той же Бхагаватгите читаем: "Как зеркало ржавчиной, как зародыш покрыт оболочкой, как дымом покрыто пламя, так он этот мир покрывает... ненасытимое пламя это..., принявшее образ Камы" [1]. (Но и в нашей культурной традиции отношение к супостату такое же. Так, апостол Петр призывает всех верных Христу "удаляться от плотских похотей, восстающих на душ[^]" [2])

А значит, "ни сна, ни отдыха измученной душе", которой при этом (и несмотря ни на что) надо еще и на личностном уровне не подкачать: тому же студенту вуза своевременно и успешно сдать все лабораторные, курсовые, зачеты и экзамены, проявить себя и даже достичь максимальных высот в спорте, и художественной самодеятельности, и в структурах молодежных политических ассоциаций, а еще - быть внимательным и заботливым сыном или дочкой, общительным и надежным коллегой, формировать из себя крепкого профессионала и т.д., и т.п. Как пожиратель умений и знаний супостат - враг студента номер один. Ведь студент как студент - это в первую очередь труженник смысла, носитель беспредельного гераклитовского "самообогащающегося Логоса" [3]. Хорошему студенту любой ценой нужно прорваться к платоновскому царству вечных идей, по Августину Блаженному - получить доступ к мыслям Бога, по Карлу же Попперу - освоить третий мир, мир научных истин, противостоящий как внешнему миру чувственных вещей, так и внутреннему миру психических феноменов. Врываясь в пространство сознания, супостат переворачивает здесь все вверх дном, форматирует и переформатирует здесь все под себя. При этом он захватывает не только все пространство сознания, гуссерлевское "живое настоящее", но и подчиняет себе волю человека, которая в итоге теряет свое качество разумного стремления, а превращается в слепую и агрессивную, не признающую никаких доводов разума шопенгауэровскую "волю к жизни", неистребимую жажду жизни. Хотеть, по Шопенгауэру, не учатся. Воля, средоточием которой является половое влечение, половой инстинкт, всегда деятельна. Она не перестает желать. "Ее функции в высшей степени просты, они состоят в желании или в нежелании чего-либо, — а это дается нам в высшей степени легко и не требует от нас никаких упражнений. Функции же познания в высшей степени различны и всегда требуют от нас усилий; эти усилия нужны для того, чтобы сосредоточить свое внимание, чтобы всесторонне изучить объект, а затем, чтобы мыслить и рассуждать о нем" [4]. Здесь стоит сказать пару слов об одном историко-философском казусе, а именно, как в XX веке основоположником психоанализа был найден "топор под лавкой". Сам поздний Фрейд, ознакомившись с идеями Шопенгауэра (а он в свою очередь был прилежным читателем древнеиндийских Вед, Бхагаватгиты и Буддийского канона), вынужден был признать, как многим он обязан своей недостаточной образованности.

Задача любого вуза - зажечь душу студента страстью профессионала своего дела, сформировать в ней высоконапряженное динамическое поле знаний, умений и навыков, которое в любой нужный момент выдает «на гора» высокопрофессиональное действие маститого специалиста. То есть, во внутреннем мире любого индивида, а уж тем более студента, всегда противостоят друг другу как минимум две динамические зоны, два синергетических динамических хаоса, «обремененных» полярными предметностями. И вот: биология студента сама по себе, по природе своей бурлит горячей юной кровью, общество (в лице прежде всего своего родного

вуза) ждет от него пассионарного горения в овладении выбранной профессией, а современная культура на каждом шагу, и почти в каждом своем проявлении, провоцирует в нем взрывную вспышку либидоизной энергии, обращена к тому самому ненасытному кама-видному супостату из Бхагаватгиты, "что пожирает уменье и знание". Культура всегда была торможением, и в первую очередь, торможением супостата. Лишь со второй половины XX века и, увы!, по сей день культура "европейского человечества" не просто освобождает его, но и на каждом шагу его провоцирует, напрямую обращена к нему, почти каждым своим проявлением и действием ищет его, зовет и вызывает. И нет никакого ханжества в том, что традиционная культура набрасывает на эту первичную витальность покровы умолчания. Корневая система жизни и должна пребывать на своем месте во мраке земном, она не должна обнажаться. Ей хорошо пребывать в живительном мраке бессловесной инстинктивности. Это благотворно и для нее самой, а еще плодотворнее и полезнее для всех остальных, более высоких кругов бытия человека. Здесь налицо глубокая диалектика: чем больше обнажается эта система, тем она слабее в своих жизненных потенциях. Уже даже физика открыла для себя, что наблюдение деформирует объект. Тем более это справедливо в отношении феноменов внутреннего мира человека.

Как-то Лев Николаевич Толстой на замечание Софьи Андреевны о том, что любовь между мужчиной и женщиной - это вопрос первостепенной важности, воскликнул: "Как первостепенной важности?! Она десятистепенной важности. В народе это стоит на правильном месте. Трудовая жизнь на первом месте". А в трудовой (а значит, и в студенческой) жизни важен, говоря гуссерлевским языком, напряженный ноэзо-ноэматический градус, всецелая поглощенность делом, выполняемым здесь и теперь действием, предполагающим и требующим максимального сосредоточения, предельного внимания, высочайшей собранности. Гуссерлевская концепция интенциональности сознания исходит как раз из такого максимально напряженного модуса ноэзо-ноэматической структуры сознания, когда в нем не остается никакого пространства для инородной, а уж тем более фрейдовской либидозной предметности. Гуссерль, кстати, был едва ли не единственным европейским философом, современником Фрейда, отвергшим его теорию инстинктивного либидоизного бессознательного, доминирующего над сознанием. Гуссерлевская концепция интенциональности сознания как его направленности на свой предмет - это именно тот самый "хорошо развитый разум" Будды, в который не может проникнуть и не проникает похоть. ("Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, так в плохо развитый ум просачивается вожделение. Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, так в хорошо развитый ум не просачивается вожделение" [5]).

Современная культура "европейского человечества" отбрасывает стыд, списывает его как устаревший пережиток. Она в прямом смысле

"заголилась", как предвидел еще в XIX веке Достоевский. А это значит, что запущен и действует на максимальных оборотах механизм несомненно асоциального отбора, при котором обречены на неминуемую гибель в сетях супостата души самые впечатлительные и тонкие, наиболее потенциально способные к высокому социальному служению, а на бурной стремнине жизненного потока выживают и чувствуют себя в своей тарелке лишь носители грубой животности да обладатели бесчувственных до холодности придорожного камня душ. Предостережение-крик Достоевского о предстоящем миру растлении душ еще в колыбели уже не яркая литературная метафора, а суровая реальность нашего времени. Фрейдовская концепция сублимации - это «хула на Духа» [6]. Не из темных подземелий сексуальности, а из светоносных, небесных источников Смысла черпает индивидуальная душа поддержку и помощь и силу, обретает свою пассионарность, возможность и готовность к сверхусилию и сверхнапряжению. Энергетический удар сознанию снизу, из фрейдовского либидо разрушает смыслы и их тонкую архитектонику, вызывает смысловой хаос и низводит дух на уровень первичной и, как правило, самодостаточной витальности, не нуждающейся для своего нормального функционирования в каких-то особенных и вспомогательных смыслах.

Адекватное понимание и описание загадки и тайны высокого культурного творчества дал в XX веке (в русле христианской культурной традиции и в пике фрейдовской концепции сублимации как трансформации и преобразования сексуальной энергии в культурные ценности высочайшего достоинства) Лев Гумилев в своей теории пассионарности как энергетического толчка индивидуальному сознанию свыше. Такой толчок поднимает человеческий дух на высоты духовного творчества и жертвенного, бескорыстного служения своему призванию, делает одержимым великой идеей и высокими смыслами, причисляет тем самым индивида к узкой когорте любимцев богов, богоизбранных, для которых в силу такого энергетического посыла становится по плечу творческое сверхнапряжение, немислимая для обывателя сверхконцентрация духа на открытой данному избраннику небес смысловой предметности.

Не жизнеспособна культура, в которой женщина считает нормальным и естественным демонстрировать всем и каждому свой пупок и свои неотразимые ниже пояса формы, а мужчина просто заточен на то, чтобы жадно вкушать предоставляемые его взору такие удовольствия, а воображение его, как правило, в автономном режиме дорисовывает картину «вершиной любви». Зацикленные оба на чувственные, телесные удовольствия, создав семью, они в лучшем случае осчастливливают страну свою одним-единственным ребенком, а расти он будет и воспитываться в перенасыщенной либидоизными энергиями атмосфере. Разве сможет такая культура, помимо всего прочего, противостоять тому же исламскому миру с его мужчинами-трезвенниками и женщинами, укрытыми до узкой глазной

прорези, но с обязательным выводком детишек? Такая культура со своей явно ущербной духовностью может уповать лишь на свое технологическое превосходство и на свою техническую супероснащенность, используя их как орудия построения «лучшего из миров» - глобальной, общепланетарной системы подавления и насилия, глобального тоталитаризма и диктатуры, по сравнению с которыми тоталитарные политические режимы прошлого покажутся невинными детскими забавами.

Глобальные вызовы человечеству сегодня таковы, что без максимального напряжения, а значит, без высочайшей самодисциплины каждого землянина, в каком бы статусе он не был, обеспечить его собственное выживание и сохранить природу-мать для будущих поколений - невозможно в принципе. Казалось бы культура западного, «европейского человечества» (Э.Гуссерль) как реального технологического гегемона на нашей планете должна была бы быть провозвестницей новой суровой аскезы. А по факту, это культура — вампир, высасывающий из человечества жизненные соки, низводящий человека с подобающих ему высот Духа на уровень низменной экзистенции. И парадокс этот имеет лишь одно объяснение: так частнособственнический интерес - основа современной глобализации (читай вестернизации) продолжает самоутверждать себя в истории, обрекая ее и самого себя на неминуемую гибель.

1. Философские тексты «Махабхараты»: Бхагаватгита / пер. с санскрита. Ашхабад: Изд-во «Ылым», 1977. - С. 94
2. Новый Завет: Первое послание апостола Петра, глава 2, стих 11.
3. Антология мировой философии. Т.1, чЛ. - М: «Мысль», 1969.....С. 278.
4. Шопенгауэр, Артур. Мир как воля и представление / А.Шопенгауэр. - СПб, Изд-во М.В.Попова, 1893.—С.249.
5. Дхаммапада / перевод с пали. М.: Изд-во восточной литературы. 1960. - С.61.
6. Новый Завет: Евангелие от Матфея, глава 12, стих 31.

Данные об авторе:

1. Габрусь Иван Федорович,
2. 1940 г., д.Козуличи Кировского р-на Могилевской области
3. Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова (1963--1969 г., аспирантура МГУ 1969—1972 гг.
4. 1972—1974 гг. - младший научный сотрудник Института философии АН БССР, с 1974 г. по н/в доцент кафедры философии МРТИ—БГУИР
5. Кандидат философских наук (1979 г.), доцент (1984 г.)
6. Опубликовано более 60 научных работ, из них 5 учебных пособий (3 в соавторстве)
7. История мировой философии, феноменология